

The background of the entire cover is a photograph of a body of water, possibly a pond or a slow-moving stream, covered with a dense layer of fallen autumn leaves. The leaves are in various shades of yellow, gold, and brown, some still attached to thin branches. The water is dark and reflects the surrounding foliage.

СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВ

МИНУТА МОЛЧАНИЯ

Сборник рассказов

18+

Сергей Михайлов

**Минута молчания.
Сборник рассказов**

«ЛитРес: Самиздат»

2000

Михайлов С.

Минута молчания. Сборник рассказов / С. Михайлов — «ЛитРес: Самиздат», 2000

Что чувствует маньяк-убийца за минуту до казни? Сумеет ли прожить жизнь заново за последние шестьдесят секунд, отпущенные ему палачом?.. И какой выбор сделает молодой лейтенант, оказавшийся на братоубийственной войне? Где та грань, за которой выбора больше нет?.. Что чувствует бесправный раб, внезапно ставший господином и обретший власть над людьми?.. Стоит ли цепляться за жизнь, лишённую цели, стержня, смысла?.. И куда спрятаться преступнику от угрызений собственной совести, когда суд выносит ему оправдательный приговор?..

Содержание

Минута молчания	5
За гранью выбора	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Минута молчания

Обречён. Скоро конец.

Последний предел обозначен с точностью до секунды. Ожидание роковой минуты превращается в невыносимую пытку. Рвётся последняя нить, гаснет разум, рушится мир... чёрный вселенский холод неотвратим и уже на пороге... уже распахнуты врата в бездну небытия... и нет спасения, нет пути назад... А как хочется жить!

Но увы. Жизнь уходит. Навсегда. Страшное слово, сродни вечности. Только эта вечность со знаком «минус». Час, от силы два – вот всё, что ему осталось. А там...

Мысли бьются о черепную коробку, словно канарейки о прутья железной клетки при виде приближающейся кошки. Птицы в клетке... У него нет такой клетки, которая бы спасла от неизбежной смерти. Всё предрешено, все точки над «і» проставлены. Чему быть, того не миновать – так, кажется, гласит народная мудрость? Но если нет клетки железной, надо построить себе клетку-иллюзию. Клетку, которая защитила бы – не от смерти, нет, а от страха перед ней.

Бессмертие души? Бред. Чепуха. Сладенькие сказочки немощных скудоумцев. Причём тут душа? Его-то самого уже не будет!

Вера в потустороннее? В прощение грехов? В посмертное воздаяние? В жизнь после жизни? Те же сказки, достойные лишь бессильных, беспомощных экзальтированных психопатов.

Культ смерти? Смерть как желание, как страсть, как вожденная цель? Как гармония? Чушь. Самообман. Смерть безобразна и костлява, она не может быть прекрасной или желанной.

Не то, не то, всё не то...

Смерти может противостоять только жизнь. Или её иллюзия. Вычеркнуть из памяти годы и десятилетия, закрыть глаза на всё, что было, есть и будет, отгородиться от страшной реальности – и возродиться вновь, словно Феникс из пепла, в иллюзии. Хотя бы на одну минуту.

Он построит себе такую клетку. Он знает, как это сделать. Минуты должно хватить. Он успеет.

Падают, уносятся в прошлое секунды – и тают, тают, тают, словно снежинки на мартовском солнце. Скоро всё это кончится.

Шаги. Они уже идут. Гремят ключи, визжит ржавая дверь. Всё. Пора.

* * *

Круговорот... семья, дети, работа, друзья, обязанности... всё это вертится, кружится, затягивает, не даёт передышки. Привычный уклад, размеренный ритм, повседневные заботы. Обычная жизнь обычного человека. Таких миллионы, он – всего лишь один из них, серая, будничная личность, со стандартным набором житейских проблем и тихим счастьем городского обывателя.

Десять секунд...

Заботы, заботы... Он весь в них, в паутине мелких, неотвязчиво-липких, будничных забот. Он не знает другой жизни – он и не стремится к другому. Зачем? Его устраивает этот тихий, уютный закуток жизни, где всё ясно и понятно, всё втиснуто в привычный стереотип, заключено в жёсткие рамки детерминированного быта. Купить жене сапоги, выбить путёвку в профкоме, сделать подарки сыновьям ко дню рождения, достать ёлку к Новому году, отправить открытку матери к Восьмому марта... всё это на нём, на его плечах, ведь он – глава семьи. Это – его обязанность. Его, и никого другого.

Двадцать пять секунд...

Мерно отсчитывает маятник дни, месяцы, годы, десятилетия. Подобно отлаженному механизму, жизнь тянется своим чередом, ровно, гладко, без взрывов, без потрясений, виток за витком наматывает спирали на его судьбе. Он не ропщет, напротив, его устраивает этот спокойный, размеренный ритм, эта устойчивость, незыблемость жизненного уклада, обыденность отношений с близкими, друзьями, коллегами по работе. Его место в жизни чётко обозначено, маленькое место маленького человека. Как плотно входит патрон в патронник, так и он прочно и надёжно вписался в эту жизнь, занял свою нишу, свою крохотную ячейку. Он знает себе цену, хотя она и невелика, знает, что незаменим – дома, на работе, везде... И потому спокоен за будущее.

Сорок секунд...

Множество невидимых нитей связывает его с жизнью. Он крепко стоит на ногах, десятки, сотни житейских проблем, повседневных забот и обязанностей опутывают его, не оставляя места сомнениям и пустым тревогам за собственную судьбу, судьбу детей и близких. Он не ждет от жизни манной небесной. Зачем? Он счастлив и так, счастлив тем тихим, безмятежным счастьем, которое...

Минута...

* * *

– Всё. Время вышло.

Выстрел. Тело безвольно оседает на бетонный пол и заваливается на спину.

В длинном, тускло освещённом коридоре двое военных, сержант и рядовой.

– Понял теперь? – поучает сержант, пряча в кобурю ещё не остывший пистолет. – Главное – попасть точно в затылок. Чтобы без конвульсий и прочего дерьма.

Бледный как снег рядовой послушно кивает.

– Ничего, обвыкнешь, – продолжает сержант. – Меня на первых порах тоже мандраж колотил, никак, знаешь, не мог переломить себя. А потом понял, что я для них – последняя инстанция в этой жизни.

– Кто он?

– Этот-то? – Сержант брезгливо сплёвывает на мёртвое тело. – Выродок. Тридцать восемь убийств. Включая женщин, детей, стариков. Изувер, каких мало. Младенцев в колодцах топил, беременным бабам животы вспарывал, а год назад целую семью в избе спалил. Запер снаружи, керосином плеснул, дверь поленом подпёр – и поджёг. Я, видишь ли, прежде чем привести приговор в исполнение, всегда с делом знакомлюсь. Чтобы рука не дрожала и кошмары по ночам не душили. Чтоб всё по совести было. Усвоил?

Рядовой громко сглатывает подступивший к горлу комок и снова молча кивает.

– Семь лет ловили подонка. Взяли с поличным, прямо на месте последнего убийства. Обложили гада, как медведя в берлоге. Жаль только, ту девчущку спасти не успели. А раскололся сразу, всё подчистую выложил, от и до. Так-то, парень... И хватило ведь наглости попросить минуту перед смертью! Чтоб я, значит, не смел его трогать, пока время не выйдет. А мне что? Мне не жалко. Пускай. Я никогда не отказываю клиентам в их последней просьбе, коли она не выходит за рамки... А этот, глянь-ка, ещё и лыбится! Небось, какую-нибудь мерзость перед смертью вспоминал, подлюга. Или о новом изуверском убийстве мечтал. Говорят, богатым воображением отличался, душегуб хренов. Мужичок-то с виду неказистый, ничем не приметный, а на ж тебе ...

И впрямь, на залитых кровью губах убитого застыла безмятежная улыбка. Улыбка человека, чья совесть никогда не знала вины.

Словно смерть не коснулась его, прошла стороной...

Январь-февраль 2000 г., Москва

За гранью выбора

Лейтенант был мрачен и курил сегодня больше обычного. Вчерашние события окончательно выбили его из колеи. В последние дни вообще всё шло наперекосяк, совсем не так, как планировалось в начале кампании. Чем ближе они приближались к Грозному, тем ожесточеннее становилось сопротивление боевиков и тем значительнее были потери федералов. А вчера при зачистке небольшого чеченского селения он потерял сразу троих бойцов. Автоматная очередь скосила ребят почти мгновенно, никто даже пикнуть не успел. Стреляли из одного дома на краю селения. Кто там засел и сколько их, выяснять не стали: первым же снарядом разнесли халupu в щепки. Позже лейтенанту доложили: под развалинами дома обнаружены трупы взрослого вооружённого мужчины, средних лет женщины и двух маленьких детей.

Пропади она пропадом, эта война! Если бы отец не настоял тогда на своём, жизнь его, глядишь, сложилась бы иначе. «И я, и дед твой, и прадед – все были кадровыми офицерами. Твой долг – продолжить почётную семейную традицию. Право защищать Родину не каждому дано. Цени это, сын». А от кого защищать? От своих же? Воевать-то приходится с собственным народом! Вот и цени это право, будь оно неладно...

Не лежала у него душа к военной службе. Мечтал когда-то стать гуманитарием, одно время всерьёз увлёкся античной историей и философией, перечитал уйму книг на эту тему, а в десятом классе внезапно созрело решение поступать на журфак. Однако деспотичный отец настоял на своём: «Пойдёшь в военное училище – и точка».

И он пошёл. Противиться воле отца не посмел. Молча принял свою участь. И хотя призвание своё он видел в ином, долг русского офицера выполнял честно.

А потом кинули его в эту мясорубку. Закружили, завертели кровавые будни чеченской бойни. Сколько смертей он уже повидал за эти несколько месяцев! Здесь, на войне, цена человеческой жизни была слишком низка, все привычные общечеловеческие ценности, впитанные им с молоком матери, оказались перечёркнуты, отброшены куда-то назад, а их место заняло только одно – звериное желание выжить. Выжить любой ценой, даже ценой жестокости и оправданного законом убийства.

Он оставался самым собой даже в этих экстремальных условиях. По крайней мере, до сих пор ему это удавалось. Сделок с совестью не совершал, хотя угрызения этого непримиримого блюстителя душевного покоя испытывал значительно чаще, чем во времена оные. Что ж, на то она и война, чтоб её...

Больше всего он ненавидел слово «зачистка».

* * *

Скрипнула входная дверь. На пороге выросла могучая фигура сержанта с АКМ'ом на боку.

– Лейтенант, двух духов изловили. На краю села взяли, сами к нам шли. Один с «калашом», вроде как перебежчик. А у второго руки позади связаны. Куда их?

Лейтенант поморщился. Не хотелось вalandаться с этими типами. Однако деваться было некуда: долг командира требовал от него принятия соответствующих мер.

– Веди. Разберёмся.

– Есть. Петров! – крикнул сержант, обращаясь к кому-то за дверью. – Давай их сюда.

Конвоируемый молодым бойцом, в помещение ввалились двое чеченцев в «хаки». Один был лет тридцати, высокий, слегка сутулый, вертлявый, с беспокойным взглядом чёрных, как уголь, глаз. Второму было не больше двадцати пяти. Он был худощав, угрюм, нелюдим и на

удивление спокоен. Глаза его, горящие неприязнью и ненавистью, в упор смотрели на лейтенанта.

Лейтенант заметил, что теперь руки связаны у обоих.

– Кто такие? – строго спросил он.

– Да свой я, лейтенант! – внезапно подался вперёд тот, что постарше.

– Назад! – рявкнул сержант.

Лейтенант поднял руку. Мол, не трожь его, пусть говорит.

Чувствуя поддержку, пленный заговорил вновь.

– К вам шёл. Вот и оружие с собой прихватил, чтоб не с пустыми руками. А заодно вот этого, – он кивнул на второго пленного.

– Собака! – процедил тот сквозь зубы.

Первый, передёрнувшись, словно от удара хлыстом, сбивчиво продолжал:

– Понял, что не по пути мне с бандитами. Хочу России послужить, верой и правдой. Нашей общей Родине.

Слова-то он говорил правильные, этот чеченский перебежчик, но слышалась лейтенанту в них какая-то затаённая ложь, неискренность. Понял, видать, что дело их проиграно, вот и спасает свою шкуру.

Пленный заговорил снова, на этот раз громким шёпотом:

– Располагаю интересной информацией. Лично для вас. – Он опасливо покосился на конвоира с сержантом.

Лейтенант не спеша вынул из кобуры пистолет и положил его на стол перед собой.

– Сержант, оставьте нас.

Тот что-то неодобрительно буркнул и нехотя двинулся к выходу, сделав знак Петрову следовать за собой. Бойцы вышли.

– Если что, мы за дверью, – кинул напоследок сержант.

Оставшись наедине с чеченцами, лейтенант кивнул перебежчику.

– Итак?

В течение десяти минут тот раскрывал секреты группы боевиков, блокировавшей в этом районе подступы к столице, назвал полевого командира, руководившего обороной, привёл данные по численности чеченских ополченцев, местам их дислокации, вооружению и так далее. Словом, сдал своих со всеми потрохами. Второй пленный при этом яростно скрипел зубами и сыпал проклятиями в адрес первого на каком-то своём наречии.

Лейтенант молчал. Ничего нового он не услышал, за исключением, быть может, некоторых деталей. Разведка федералов работала профессионально. Слушая этого типа, наблюдая за его экзальтированной жестикуляцией, он испытывал к нему смутную неприязнь, какую-то неосознанную безгласность.

– Предатель! – выкрикнул второй пленный, на этот раз по-русски. – Шкуру свою спасешь, да?

Первый вздрогнул и осёкся на полуслове. Даже густая чёрная борода и естественная кавказская смуглость не смогли скрыть проступившую на лице бледность.

– Лейтенант, ничего общего с этим типом я иметь не хочу! – запальчиво, хотя и с изрядной долей испуга, крикнул он. – С этим убийцей!

– Врёшь, собака! Я солдат, а не убийца! Убийцы – они! – он обжёг лейтенанта гневным взглядом. – Это они пришли на нашу землю, они топчут её своими сапогами, давят гусеницами танков, стреляют в наших братьев и сестёр! Да, это вы, вы вторглись на землю свободной Ичкерии, вы пытаетесь установить здесь свои московские порядки! А мы не желаем! Не хотим жить под пятой Москвы, в рабстве и постоянном страхе, под дулами ваших автоматов! И пока в моих жилах остаётся хоть капля крови, пока рука ещё способна держать оружие, я буду истреблять вас – вас, убийцы!

Первый пленный от испуга выпучил глаза.

– Молчи, дурак! – шипел он. – Ты и себя, и меня под пулю подведёшь. А я жить хочу! Молчи, говорю!..

– Жить хочешь, пёс?! А я, думаешь, не хочу? Или те, кто во имя свободы сложил свои головы, не хотели? Только разница между нами та, что я хочу жить честно, и если нужно отдать жизнь ради моего несчастного народа, я отдам её не задумываясь. Можешь расстрелять меня, лейтенант! Я знал, на что иду, когда впервые взял в руки оружие.

С каждым словом этого гордого кавказца лейтенант проникался к нему всё большим и большим интересом. Во всём его облике сквозило истинное благородство, какая-то дикая, взрывоопасная, клокочущая непосредственность, неподдельная искренность – и ненависть. Ненависть, превратившаяся в неуправляемую, иррациональную стихию, в смысл его жизни, его смерти, его борьбы. Такой человек не мог не внушать уважение.

Да, сложись судьба иначе, не будь этой дурацкой братоубийственной войны, лейтенант считал бы за честь иметь этого чеченца своим другом. Кто знает, может быть при иных обстоятельствах их пути пересеклись бы совершенно в другом месте, на другой, мирной почве, не по разные, а по одну сторону баррикады? Ему импонировала верность кавказца своим принципам, свободолюбие, нетерпимость к подлости, непоколебимая вера в раз и навсегда избранные идеалы, отчаянная смелость, готовность к жертве ради святого дела.

И как бледно, мелко, мелочно выглядел на его фоне другой чеченец, добровольно сдавшийся в плен и сдавший врагу своего товарища по оружию! «Свой»... да, именно так отрекомендовал себя этот тип. Да пусть он хоть трижды «свой», он всё равно остаётся предателем! В глазах простого обывателя измена всегда была и всегда останется самым презренным, самым низким преступлением, и никакой закон, никакие директивы «сверху» не способны оправдать её, возвести в ранг подвига, придать ей оттенок героизма.

* * *

Загрохотало, загремело за окном, грозным дрожащим гулом отозвалось в стенах и стёклах покинутого хозяевами дома. Бесконечная вереница российских танков шла через село, шла на Грозный. Выпавший вчера снег почти весь сошёл, и теперь тяжёлые гусеницы месили грязную снежную жижу, уродовали шрамами податливую землю. Где-то далеко, на правом фланге, зарокотали орудия – шла артподготовка. Готовилось массированное наступление на непокорную столицу самостийной Ичкерии, эту цитадель воинственных боевиков. Лейтенант знал: скоро поднимут и его взвод. Знал: самые тяжёлые бои ещё впереди. Чеченцы будут биться за свой Грозный до последнего. Сколько же ещё русских парней положат в этой бессмысленной бойне? сколько похоронок получат их матери? сколько горьких слёз прольют их жёны, родные, близкие?..

Он оторвал взгляд от окна, вернулся к собственным проблемам. С этими двоими надо было что-то решать. Но чем больше думал об этом деле лейтенант, тем дальше оказывался в тупике. Он и не заметил, как выкурил подряд три сигареты.

Пленные давно уже молчали и теперь ждали решения своей судьбы, первый – с угодливой покорностью и готовностью служить новым хозяевам, второй – с отчаянной решимостью и непримиримой враждебностью к ненавистным оккупантам.

Лейтенант ткнул бычок в пепельницу и крикнул:

– Сержант!

Тот тотчас же явился на зов командира.

– Увести арестованных!

Сержант замешкался.

– В расход?

– Под замок. И чтоб глаз с них не спускать! С обоих.

Но сержант не спешил выполнять приказ.

– Я бы с ними не цацкался, лейтенант. К стенке обоих – и баста.

Взгляд лейтенанта стал тяжёлым, упрямым.

– Выполнять приказание, сержант!

Тот пожал плечами.

– Дело твоё, лейтенант. Но будь моя воля, я бы каждому... пулю в лоб... и чтоб глаза в глаза... за тех наших парней, что полегли в этой проклятой земле... – процедил он сквозь плотно стиснутые зубы.

Две стороны, две ненависти, две истины – и каждый по-своему прав! Как здесь не свихнуться! Оставшись один, он снова закурил. Потом встал из-за стола и принялся мерить комнату нетерпеливыми шагами.

Как поступить? С одной стороны, налицо явный враг, который не скрывает своей ненависти ко всему русскому, – и перебежчик, добровольно пришедший в расположение федеральных войск. По законам военного времени враг должен быть уничтожен, к тому же, другому, следовало проявить благосклонность. Чёткая, недвусмысленная позиция: есть только чёрное и белое, свои и чужие, правда и неправда. Всё однозначно, прозрачно, вбито в каноны государственной целесообразности, однако... однако существует ещё и вторая сторона медали.

Лейтенант грохнул кулаком в стену и выругался. Проклятье! В такой тупиковой ситуации он оказывался впервые. Но дело даже не в ситуации. Он понимал: сейчас решается судьба не только тех двоих, но и его собственная. Он оказался перед выбором, который рано или поздно должен был сделать и который наверняка приходилось делать не ему одному в этой грязной войне, а сотням, тысячам русских ребят, брошенных сюда, в далёкую Чечню, на усмирение маленького гордого народа.

«Спокойно, парень, спокойно, – пытался успокоить он себя. – Давай разберёмся во всём по порядку. С самого начала. С самых азов». Он сосредоточился, виток за витком отмотал моток времени назад, сбросил с души тяжкое бремя последних военных месяцев.

Очищение. Непредвзятость. Свежий, не замутнённый предрассудками и идеологическими установками взгляд. Разбуженная совесть, взятая в союзники. Да, именно это требовалось ему сейчас, чтобы сделать правильный выбор.

Проклятый выбор!..

* * *

Почему-то вспомнился дед (царство ему небесное), бывший танкист, майор в отставке, и его рассказ о том далёком пятьдесят шестом, когда в составе танковой бригады он, совсем ещё зелёный, необстрелянный юнец, был направлен в мятежный Будапешт. Судьба социалистических завоеваний в Венгрии оказалась в опасности, затаившаяся гидра контрреволюции вновь подняла голову, – требовалась безотлагательная помощь Советского Союза, верного и надёжного друга венгерского народа. И помощь была оказана. Советское вмешательство помогло венгерским коммунистам освободить страну от банд мятежников, вернуть народу власть. Да, таков был рассказ деда, который он слышал не раз, из года в год, обычно на двадцать третье февраля – праздник, который старый танкист читал более остальных. В этот день дед обычно бывал особенно разговорчив.

Но однажды его рассказ имел продолжение. То ли он выпил лишнего – дед любил отметить свой праздник по всем правилам, под водочку, под маринованные грибочки, – то ли затосковал беспричинно по былым годам, только пустил он вдруг слезу и поведал внуку, тогда ещё десятилетнему пареньку, странную историю. О том, как венгерские школьники, двенадцати-четырнадцати лет, однажды забросали их танковую колонну бутылками с зажигательной

смесью. Танки вспыхивали, как свечи, бойцы в спешке покидали их, тушили как могли, заливали водой, матерились, но стрельбу не открывали – дети всё-таки... Ничего не понял тогда внук, а спустя некоторое время и совсем позабыл.

А сейчас вот вспомнил.

* * *

Он вспомнил отца. О его последнем напутствии перед отправкою сюда, в этот чеченский ад: «Запомни, сын: ты служишь Родине. Это самое святое, что есть у человека. Будь твёрдым, с честью выполняй свой долг, не пасуй перед опасностями и смертью. Будь верен присяге. Чести, традициям, славе русского солдата, русского офицера. Ты идёшь защищать нашу землю от подонков, которые посмели поднять руку на Россию. Будь непримирим к ним. И запомни ещё одно: Родина всегда права. Потому что это *твоя* Родина, другой у тебя нет и быть не может».

Отец часто рассказывал о своей службе в Афгане. Он прошёл ту войну от и до, начал её лейтенантом и закончил в чине полковника. Трудно было сказать, чего он привёз больше, когда в один прекрасный день вернулся домой: шрамов от душманских пуль и осколков или боевых наград: и того, и другого было в избытке. Ему только-только стукнуло тридцать пять, он был совсем ещё молод, хотя и казался порой умудрённым жизнью стариком. Отец свято верил, что служить Родине, стране, партии нужно безоговорочно, самозабвенно, не раздумывая. И потому его рассказы о войне всегда носили отпечаток пафоса, какой-то особой гордости – за страну, которой служил, за молодых советских парней, бесстрашно бившихся с врагом. С грустью, со скупыми слезами на глазах вспоминал о павших в чужой земле бойцах. Но бывало, глаза отца вспыхивали ненавистью, когда, стиснув зубы, до хруста сжав кулаки, он рассказывал о изуверских пытках, которым подвергали наших ребят не знающие жалости афганские душманы.

Он верил отцу. Верил и гордился им.

* * *

Но вот прозвучало слово Сахарова, разорвавшееся в умах и сердцах советских людей подобно ядерной бомбе. Слово прогремело с высокой трибуны съезда и ничего, кроме раздражения, не вызвало. Как! враги и убийцы, ставленники мирового империализма – партизаны, борющиеся за независимость своей страны? А интернациональный долг, который честно выполнял Советский Союз – не более чем агрессия?! Как! да разве возможно, чтобы наши командиры, воспитанные в духе гуманизма и советского патриотизма, отдавали бесчеловечные приказы об уничтожении обречённых на плен, попавших во вражеские тиски своих же солдат?! В памяти всплыл «Пешеварский вальс», фильм о судьбе советских бойцов, оказавшихся в лапах у моджахедов, но сумевших вырваться из плена, – и расстрелянных советскими же ракетами.

Он не хотел этому верить. Старался прогнать сомнения. Но вера в идеалы, которым служил его отец, дала серьёзную трещину.

* * *

Вспомнился кинотеатр «Октябрь» на Калининском, где каждое воскресенье пришлое американские евангелисты устраивали собрания своей паствы. Он оказался там случайно, по настоянию своего верующего одноклассника (они тогда заканчивали десятый класс, была весна, цвела сирень, душа трепетала от любви и восторга, весь мир лежал у их ног). Однако нескольких посещений американской церкви хватило, чтобы понять: это не для него. Слащаво-слюнявые поцелуи братьев во Христе, изобилие убогих и обиженных жизнью, экзальта-

ция, доводимая до психических припадков и галлюцинаций, – всё это претило ему, вызывало какое-то необъяснимое отторжение. Он был другим, он был достаточно силён (по крайней мере, считал себя таковым) и интеллектуален, чтобы искать поддержки в решении своих проблем у совершенно чужих людей. А в Бога он не верил. Зачем, спрашивается, ему эти американцы?

Но кое-что оттуда он всё-таки вынес. А именно – интерес к Библии. Один из прихожан, в порыве любви к ближнему, подарил ему каноническое издание этой «книги книг», и с тех пор он всерьёз принялся за её штудирование. Однако надолго его не хватило, вскоре интерес к Писанию заметно поугас, и дальше Книги Бытия, Исхода, четырёх Евангелий и Деяний апостолов он не пошёл. Надоело. Понял: это тоже не для него. И всё же... всё же что-то в душе осталось, что-то неуловимое, незримое, неосязаемое. С тех пор он о многом стал задумываться, о многом судить иначе, чем прежде. Глубже, наверное, основательнее, с пристрастием. Отныне жизнь уже не казалась чёрно-белой, появились серые тона, различной глубины оттенки. Да и сам он изменился, добрее, что ли, стал, отзывчивее, понятливее.

* * *

Воспоминания, воспоминания... Их было много, этих призраков прошлого, он воскрешал их одно за другим, копался в них, пытался найти ответ на мучивший его вопрос. Постепенно, шаг за шагом, по мере движения вперёд вдоль оси времени, призраки обретали более чёткие очертания, оформлялись в нечто конкретное, и вот наконец стали реальностью. Он здесь, в Чечне, в этом пекле, где каждый день гибнут люди, рвутся снаряды, грохочут танки и режут самолёты, где смерть стала обыденностью, неотъемлемой частью нелёгкой солдатской службы. Здесь воспоминания уже не были прошлым – здесь они становились настоящим.

Он вспомнил случайно подслушанный разговор двух контрактников, участвовавших ещё в прошлой чеченской кампании по взятию Грозного. Один из них рассказывал другому, как их взвод оказался отрезанным от основных сил федералов и попал в окружение. Они засели в одном из жилых домов на окраине столицы и отчаянно оборонялись от превосходящих сил противника. Однако с самого начала было ясно: позицию им не удержать. И тогда лейтенант, командир взвода, принимает решение: уходить. Тем более, что в позициях боевиков обнаружилась брешь, и уйти можно было тайком, под самым их носом, не понеся при этом потерь. Нужно было только выбрать удобный момент. И вот такой случай представился. Наступила временная передышка, выстрелы с обеих сторон звучали редко, вяло, скорее для проформы, чем с целью нанести серьёзный урон противнику. Но тут возникла проблема: из десяти оставшихся в живых бойцов двое были тяжело ранены. Взять их с собой означало бы пойти на верную смерть: проскочить в двух шагах от позиций чеченцев, имея на руках такую обузу, было невозможно. Но и оставлять их было нельзя. И лейтенант отдаёт бойцам приказ: по одному, с равными интервалами, прорываться к своим. Сам же тем временем, на ходу вынув из кобуры пистолет, направляется в помещение, где содержались раненые. Звучат два выстрела, почти одновременно. Через минуту появился, бледный, с дёргающейся щекой, с шальными глазами. К тому моменту в доме оставалось только два бойца, остальные успели уйти. «Где ребята?» – спрашивает один. «Мертвы. Оба. Умерли от потери крови... Вперёд, мать вашу, если вам дорога жизнь!»

До своих, слава Богу, добрались без происшествий. А через два дня, после короткой передышки, когда их взвод, укомплектованный свежими силами, снова был брошен на прорыв вражеской обороны, лейтенант был найден среди убитых. Автоматная очередь прошла его наискось, в спину. Почти в упор.

* * *

Он вспомнил, как месяц назад, в освобождённом от боевиков селении, один из бойцов его взвода расстрелял старушку, когда та, завидев группу российских солдат, метнулась в страхе по улице. Он не видел её, уловил только резкое движение – и дал очередь из своего «калаша». Реакция бойца была мгновенной, как мгновенной была и смерть перепуганной чеченки.

Война есть война. Жестокий инстинкт настоятельно требовал: если ты не выстрелишь первым, то не выстрелишь уже никогда. Здесь счёт шёл на тысячные доли секунды, каждый шаг был тестом на скорость, поединком между жизнью и смертью. И этот закон, эту аксиому, это золотое правило каждый боец впитал как молоко матери, как главное условие сохранения своей жизни.

Однако для молодого бойца это оказалось слишком сильным испытанием. Увидев, что натворил, он отшвырнул автомат в сторону, в отчаянии грохнулся наземь, обхватил стриженую голову трясущимися руками и зарыдал. А через два дня нарвался на пулю чеченского снайпера.

* * *

Тянутся нити воспоминаний, сматываются в невидимый клубок. Длинные – из далёкого полузабытого прошлого, совсем короткие – из дня вчерашнего, ещё свежего в памяти. Чёрные, красные, синие, зелёные, всех цветов радуги, всех мыслимых и немыслимых оттенков. Вот синяя нить – нить воинского долга, чести российского офицера, верности присяге, традициям, идеалам отца. А вот эта, красная – нить Родины, интересов государства, сильной, единой, неделимой, многонациональной России. Та, угольно-чёрная – нить непримиримости к врагу, ко всему враждебному, чуждому, злокачественному, смертельно опасному, вредному для страны, для народа. Ещё одна, небесно-голубая – нить гуманизма и справедливости, любви к ближнему, десяти библейских заповедей, общечеловеческой морали, уходящей корнями в этические учения основных мировых религий, в духовные устои десятков и сотен цивилизаций, культур, мировоззрений, в отголоски древних обычаев, традиций, нравов. Белая нить – нить совести, этого беспристрастного цензора всех поступков человеческих, неподкупного и прозорливого судьи, блюстителя душевного покоя, надёжного и верного наставника, не терпящего сделок, не признающего компромиссов. И ещё одна нить, неопределённого цвета – нить борющегося на независимость маленького гордого народа, непримиримого к иноверцам, к чужакам, к агрессорам, к кабале.

От вопросов пухнет голова, тупо пульсирует беспомощная мысль. Всё вывернуто наизнанку, всё перемешалось – чёрное и белое, правда и ложь, время и вечность, жизнь и смерть. Клубок... О, как во всём этом разобраться! что предпочесть? чему отдать пальму первенства? За какую нить потянуть, чтобы размотать весь клубок? Как выбрать ту правильную, ту единственно верную нить, которая даст ответ на всё наболевшее, назревшее, набродившее?

Путаница мыслей, сумбур, каша в голове. Почему, почему он не сделал выбор раньше? Ведь не слепой же – всё видел, всё знал, всё понимал, но... но всё это не касалось его лично, не затрагивало его интересов. Позиция стороннего наблюдателя, не требующая личной ответственности, сделала его пассивным, индифферентным. Но сейчас всё изменилось. Сейчас от ответственности ему уйти не удастся. Ответственности за выбор, который ему предстоит сделать.

Тупик. Выбора нет. Но выбор должен быть сделан. Здесь. Сейчас. Немедленно. Сию минуту. Хватит!

* * *

Довольно сомнений, душевных пыток, оглядок назад! К чёрту всё временное, наносное, преходящее! На чашу весов брошены люди, их жизни, судьбы, будущее, и мерой их поступков должны служить проверенные временем, всем ходом мировой истории, вечные человеческие ценности – ценности, отфильтрованные сотнями поколений людей, беспристрастным временем, всем ходом земной истории: порядочность, благородство, мужество, честь, верность, справедливость, свобода. Всё остальное – пыль, прах времён, призванное служить главному – Человеку. Вот единственный критерий.

Молодой чеченский парень, жизнью готовый заплатить за свободу своего народа, идущий на смерть ради святого дела, которому остаётся верен до последнего вздоха, смело бросающий обвинения в лицо русскому офицеру, – разве такой человек не достоин восхищения?

Он сохранит ему жизнь. Даст свободу. Пожмёт руку. И отпустит с миром.

Предательство же всегда остаётся предательством; изменив сегодня одному, завтра предатель изменит другому. Ему нет и не может быть веры, он скользок и изворотлив, беспринципен, продажен и аморфен, подобно вязкой субстанции, готовой принять форму любого сосуда. Его идеал – право сильного, право победителя. Подобно флюгеру, он всегда держит нос по ветру, он всегда на плаву. Чего он достоин? Да и достоин ли чего-либо?

Этот должен быть наказан. Нет, к стенке он его не поставит: не стоит марать руки. Он отправит его в тыл, сопроводив соответствующей рекомендацией. Пускай с ним разбираются специалисты. Они это умеют.

Всё, решено! Выбор сделан.

Внезапно он испытал огромное облегчение – словно тяжкое бремя свалилась с плеч, словно вскрылся давний нарыв, терзавший его тупой болью долгие-долгие месяцы.

Лейтенант вздохнул полной грудью и с удивлением обнаружил, что вместительная пепельница на столе полна окурков, а пустая сигаретная пачка сиротливо валяется на полу. Неужели он выкурил всё, до последней сигареты?!

Неважно. Всё уже в прошлом. Сейчас он вызовет сержанта и отдаст приказ. Сейчас...

* * *

Под окном раздались чьи-то приглушённые голоса. Лейтенант невольно прислушался и узнал: это были двое бойцов из его взвода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.